

Г.Б. Клейнер

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: ПРОЕКТИРОВАНИЕ, СЕЛЕКЦИЯ ИЛИ ПРОТЕЗИРОВАНИЕ?

Введение

Одним из уроков "переходного" 15-летия 1990-2004 годов в России стало коренное изменение отношения политиков, хозяйственных руководителей и ученых к системе социально-экономических институтов как важнейшей составной части социально-экономической системы страны. В начале трансформационного периода считалось, что стоит изменить, а точнее, - разрушить базовые институциональные конструкции централизованного управления экономикой, которые, по общему мнению, сдерживали естественные силы экономического развития, что достаточно, так сказать, "распеленать младенца", снять все административные препоны, - и свободное развитие товаропроизводителей, не сдерживаемых ни госплановско-госнабовской системой фондируемого распределения продукции, ни министерско-обкомовскими указаниями что и как производить, ни госкомтрудовскими путями на оплату работников, ни партийно-идеологическим руководством, и все это очень скоро поставит нашу экономику в ряд экономик процветающих стран мира. Все перечисленные институты - госкомитеты, министерства, партийные структуры - однозначно представлялись реальными "административными барьерами", препятствующими экономическому развитию. Задача реформаторов казалась подобной работе скульптора, под руками которого скульптура возникает из мраморной глыбы после отсечения "лишних" его кусков - в данном случае после либерализации поведения предприятий, ограничения централизованного вмешательства в экономику. Доминировала идея своеобразной презумпции рыночных производительных сил над институциональными отношениями.

В результате в исторически кратчайшие сроки была ликвидирована большая часть системы институтов, определявших поведение социальных и экономических агентов в стране. "Переинституционализированная" действительность 70-х - 80-х сменилась "недоинституционализированной" действительностью 90-х. Весьма реалистическую картину положения дел в институциональной сфере дает В. Мау: "К концу 1991 г. в России практически полностью отсутствовали институты, которые должны обеспечивать устойчивое развитие и даже существование любой страны.

Были разрушены экономические институты, ... рухнули институты государственной власти"[6].

Однако оказалось, что институциональное "свято место" не бывает пусто. На опустевшем институциональном поле густые всходы дали институциональные и функциональные сорняки - институты и практика криминала, теневой экономики, примитивных видов экономической деятельности типа челночничества. Подвергся эрозии и такой важный для экономики институт, как мораль.

Вначале предполагалось заполнить образовавшийся институциональный вакуум за счет буквального переноса (с минимальной косметической обработкой) фрагментов институциональных систем развитых западных стран, иными словами, путем институциональной трансплантации. Однако привнесенные институты плохо приживались на отечественной почве и либо отторгались российским обществом, либо до неузнаваемости мутировали. Трудности и неудачи на этом пути детально описаны в работах В.М. Полтеровича [11]. Второй возможный путь формирования адекватной институциональной системы может быть назван институциональным проектированием [12] или, более точно, институциональным строительством. Здесь имеется в виду целенаправленный, алгоритмизированный и эшелонированный во времени процесс создания институтов, подобный процессу строительства зданий и сооружений. Подчеркнем, что здесь речь идет главным образом о построении формальных институтов. Что же касается неформальных институтов, во всяком случае, институтов, близких к вебленовскому пониманию института как "образа мысли", то такие институты, близкие также к предпочтениям, также довольно интенсивно создаются усилиями средств массовой информации. Речь идет о таких стереотипах, как потребительское целеполагание, навязанные потребительские предпочтения и т.д.

Однако и такой путь создания страновой институциональной системы оказывается на деле неэффективным. Задача построения институциональной системы, с одной стороны, релевантной данной стадии и особенностям развития конкретной страны, с другой - соответствующей избранной стратегии ее будущего развития, остается пока неразрешенной ни в теоретическом смысле, как концептуальная проблема, ни в прикладном, как задача разработки рекомендаций.

Можно ли рассчитывать, что после расчистки места институты рыночной экономики вырастут сами, благодаря естественной активности экономических агентов, или же их надо строить некоторым специальным образом со стороны государства? Иными словами: является ли современная

рыночная экономика естественным состоянием экономики, или она есть плод целенаправленных усилий, и тогда каковы они должны быть?

В данной статье, подготовленной при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №05-06-80381, описываются основные черты предлагаемой концепции институциональных изменений, основанной на развитии системного подхода к исследованию социально-экономических феноменов (см. [3; 5]). Основная цель - исследовать совокупность социально-экономических институтов, функционирующих в обществе, как сложную многоуровневую и многосоставную систему, взаимодействующую с другими общественными подсистемами.

Под институтом в статье понимается система взаимосвязанных относительно устойчивых (по отношению к колебаниям поведения или интересов отдельных субъектов и их групп), а также продолжающих действовать в течение значимого периода времени формальных и неформальных норм, регулирующих принятие решений, деятельность и взаимодействие социально-экономических субъектов и их групп. Система норм становится институтом в ходе процесса институционализации, т. е. закрепления, укоренения, обретения устойчивости.

Необходимо сразу подчеркнуть: образ института как барьера, как негативного для экономики явления принципиально неполон. В каждый конкретный период появление того или иного общественного института соответствует не только строительству новой перегородки или барьера, но и прокладыванию через пересеченную местность дороги, позволяющей при наличии экономических интересов двигаться в нужном направлении. Так, деятельность инспекции по качеству того или иного вида товаров, которая негативно воспринимается его производителями как "административный барьер", для потребителей выглядит позитивно как "расчистка пути" при выборе и приобретении товаров. Другой пример: институт адвокатуры, невыгодный для одной из сторон судебного спора, для другой стороны является благом.

Подобно тому, как городская инфраструктура включает и многоэтажные дома, и подземные коммуникации, система национальных институтов также носит многоуровневый характер и охватывает все срезы общества - от населения страны до отдельного гражданина. При этом все уровни институциональной системы взаимосвязаны, так что изменения на одном уровне тут же затрагивают другие уровни. Так, отмена института директивного годового и пятилетнего планирования на макроуровне тут же привела к ликвидации плановых институтов на предприятиях (что неизбежно

потянуло вниз долгосрочные проекты, инвестиции и научно-технический прогресс).

В рамках предлагаемого в статье подхода к формированию и динамике институциональной системы три вида "миров", участвующих в институциональных изменениях, - "мир институтов", "мир агентов" и "мир полей взаимодействия агентов" рассматриваются как три различные и самостоятельно развивающиеся (хотя и тесно взаимодействующие) системы, для каждой из которых характерны свои закономерности, внутренние связи, дисфункции. Отметим, что при таком подходе состояние и эволюция институциональной системы данного общества существенно зависят от состояния и взаимодействия индивидов и организаций (предприятий). Этот подход можно рассматривать как некоторую модификацию и развитие подхода Д. Норта к формированию институциональной среды, согласно которому "ключевым для институциональных изменений является непрерывное взаимодействие между институтами и организациями в экономической среде с ее редкостью и, следовательно, конкуренцией"[8].

Данный подход дает возможность обосновать концепцию динамики системы страновых институтов как процесса трансформации, рекомбинации и адаптации ограниченного запаса базовых институтов, развивающегося благодаря деятельности и взаимодействию социальных (индивиды) и экономических (предприятия) агентов.

Анализ популярного примера

Для иллюстрации приводимых ниже положений воспользуемся стандартным образом, часто звучавшим применительно к роли западных стран по отношению к перестроенной России. Речь идет о ситуации, которую можно условно назвать "рыба и удочка". В популярных рассуждениях политиков и экономистов о наилучших вариантах международной помощи той или иной стране часто используется образ рыбной ловли: задача стран-доноров, мол, состоит не в том, чтобы дать стране-реципиенту "рыбу", т.е. готовые к потреблению материальные блага, а в том, чтобы предоставить ей "удочку", т.е. средства для их создания или добычи.

Однако при ближайшем рассмотрении даже в такой элементарной ситуации все оказывается не так просто. Конечно, голодному недостаточно дать рыбу (после того, как он съест ее, проблема возникнет вновь). Недостаточно, однако, дать и удочку, что объясняется, в первую очередь, следующими причинами:

а) человек, возможно, не умеет ею пользоваться (нужно научить);

б) человек может отказаться от рыбной ловли по причинам нравственного характера, т.к. это связано с лишением жизни живого существа, причем при посредстве провокации и довольно жестоким способом (нужно оправдать);

в) человек психологически не склонен к рыбной ловле как длительному и статическому процессу (нужно приучить);

г) рыбная ловля или подходы к реке, возможно, в данном месте физически затруднены или запрещены (нужно обеспечить);

д) удочка может сломаться или придти в негодность, и ситуация вернется к первоначальной (нужно воспроизводить);

е) наконец, в рамках процесса принятия решений о распределении располагаемого времени нужно обосновать сравнительную эффективность ловли рыбы по сравнению с другими способами расходования времени (нужно обосновать).

Мы видим, что внедряемая технология является достаточно специфичной, может легко приниматься одним типом личностей (теми, кто одарен терпением, возможностью длительной концентрации внимания и т.д.) и напрочь отвергаться другим. Насильственное внедрение такой технологии практически невозможно, его результатом станет, скорее всего, имитация процесса рыбной ловли или мутация технологии (что, кстати, и имеет существенное распространение в России).

Где же выход? Он состоит в том, что следует говорить не о передаче "удочки" как средства производства, а о введении и укоренении полноценного и полномасштабного института рыбной ловли (не поимки рыбы, а ловли!) как устойчивой нормы, оснащенной целым рядом сопутствующих и вспомогательных норм и институтов. Нужны при этом не только так называемые конструктивные институты типа мастерской по ремонту удочек, но и регулятивные институты [16]: например, институт, препятствующий сливу в реку промышленных отходов; институт дорог, чтобы можно было подобраться к реке и т.п. Возникает целый "куст" норм, которые только в совокупности и могут образовать эффективный институт рыбной ловли. Транспортабельность данного института ограничена, а его фактический носитель в новом месте может быть весьма узок.

На этом примере (как и, скажем, на примере "экономики Робинзона Крузо", где схожие проблемы приходится решать Робинзону в отношении Пятницы) при более детальном анализе можно видеть, что полноценный институт может возникнуть, если базисный ("технологический") процесс

поддерживается целеориентированными вспомогательными нормами, психологическими и аксиологическими установками, а также механизмами взаимодействия с другими, ранее существовавшими институтами.

Каким же образом в составе имеющейся институциональной страновой системы возникает целый новый "куст" норм? Стихийно или целенаправленно? Должно ли идти институциональное строительство, заимствование, трансплантация или иной процесс? Какую роль при этом играют агенты, реагируют ли они на "институциональные" импульсы сверху или формируют потребность и запросы на институт снизу?

Для ответа на эти вопросы обратимся сначала к тому, что представляет собой "мир институтов".

Структура "мира институтов"

" Мир институтов" имеет весьма сложную многоярусную внутреннюю структуру, включает институты разного уровня, от общечеловеческих норм до привычек поведения отдельных индивидов.

Каждый институт состоит из следующих групп норм:

1) группы базисных норм, выражающих сущность и основные положения данного института (ядро института, сохраняющееся в течение всего времени жизненного цикла института);

2) группы дополнительных норм, входящих в "защитный слой" института и допускающих, в зависимости от внешних обстоятельств, модификацию замену без изменения ядра института;

3) группы вспомогательных поддерживающих норм, определяющих механизмы мониторинга, контроля и поддержки соблюдения норм ядра института;

4) группы ценностных норм, относящихся к оценке данного института со стороны общества и отдельных людей (как подлежащих охвату данным институтом, так и "сторонних наблюдателей");

5) 5) группы когнитивных норм, регулирующих процесс восприятия, анализа и познания сути и действия данных норм различными субъектами.

Институты, входящие в страновую институциональную систему, делятся в первую очередь по уровням, на которые они рассчитаны (макро-, мега-, мезо-, микро-, наноинституты). Так, макроинституты охватывают потенциально всех граждан страны, а наноинститу-ты относятся к конкретному индивиду.

Между институтами существуют взаимосвязи, включающие, в том числе, дополняемость одного института другим (обязательное

одновременное функционирование), замещаемость, т.е. возможность выполнения данного набора общественных функций как одним институтом, так и рядом других. На множестве институтов существуют операции, такие как бинарные операции наложения (объединения), композиции, пересечения. Существует унарная операция проекции более широкого института на локальное множество участников - сужение института. Иерархичность и взаимосвязанность институтов имеет существенное значение для процесса институтогенеза. На множестве институтов, кроме того, существует и топология, отражающая интуитивное понятие близости институтов. Соответственно, возникают и "институциональные кусты" как совокупность близких и взаимосвязанных институтов [4]. В совокупности эти "кусты" составляют то, что Д.Норт назвал национальной институциональной системой.

Институты в рамках данной страновой институциональной системы могут быть классифицированы также по степени их общности в пространстве агентов и устойчивости во времени. Чтобы конкретизировать утверждение, мы предлагаем следующую гипотезу относительно структуры ядра института.

Нормы, составляющие ядро каждого экономического института, в свою очередь, допускают декомпозицию (разложение) до уровня первичных вариантов взаимоотношений между индивидами и их группами, хозяйствующими субъектами и их группами, а также перекрестных взаимоотношений. Эти первичные варианты не допускают дальнейшего разложения, но, будучи специфицированы применительно к конкретно-историческим, географическим условиям и предметному содержанию (отношения собственности, организации совместной деятельности, распределения и потребления ее результатов), принимают ту или иную конкретную форму.

Возьмем, например, такой современный институт, как институт банкротства. Ядро института составляют нормы, определяющие статусы должника и кредитора, а также их взаимоотношения. Таким образом, институт банкротства опирается на институты долга и институты суда как общественного признания этого долга, а также на современную реализацию института бойкота (предприятие-банкрот исключается из среды делового сообщества).

Подобным образом можно декомпозировать и другие институты, для чего следует а) выявить основных фигурантов ситуации, б) определить варианты базисных отношений между ними, не зависящие от конкретной ситуации, в) определить конкретные первичные отношения, регулируемые данным институтом. В целом этот процесс оказывается близким к процессу

систематизации, т.е. представления совокупности возможных ситуаций в виде системы, и последующей ее структуризации, т.е. представления системы в виде устойчивой совокупности элементов и связей (отношений) между ними.

Именно эти отношения должны подвергнуться анализу на предмет выделения в них первичных компонент. Среди таких первичных отношений можно упомянуть следующие отношения (перечисляемые ниже в алфавитном порядке): благодарности; бойкота; веры (верований); дарения; доверия; договоренности; долга; дружбы; игры; иерархического подчинения; компромисса; координации (действий); кредита; насилия; наследования; обмана; обмена; оппортунизма (коварства); ритуалов (например, приветствий при встрече и прощания при расставании); семьи и родственных отношений; убийства и т.п. Можно видеть, что часть из них является бинарными отношениями (например, благодарности, подчинения, компромисса), часть относится к отношениям субъекта с неопределенной группой людей (координация, ритуалы), часть относится к индивидуальному поведению субъекта (оппортунизм)¹.

"Институциогенные" особенности "мира социальных агентов"

Роль агентов в процессе институциональных изменений рассматривается различными исследователями с разных позиций. Так, А.А. Яковлев, В.Л. Тамбовцев и др. говорят о "спросе на институты", который предъявляют социальные и экономические агенты и который приводит в конце концов к формированию того или иного института [12; 13].

Однако, по нашему мнению, в случае институтов говорить о спросе не вполне корректно. Понятие спроса на то или иное благо как совокупной готовности агентов предложить некие ценности в обмен на пользование этим благом требует определенного уровня конкретности в характеристике как самого блага, так и обмениваемых ценностей. Если же речь идет о некоем расплывчатом и неопределенном благе, таком, скажем, как "порядок", то обмениваемые на него ценности также теряют однородность, и говорить об их аддитивности нельзя. Соответственно теряет корректность и понятие спроса. Кроме того, неопределенные блага порождают и отсутствие единства в их толковании для разных агентов. Так, для уличного грабителя порядок - это отсутствие милиции на улицах, а для прохожего - наоборот, наличие. Существующие институты могут быть рассмотрены с точки зрения

¹ Приведенный список не является исчерпывающим, его полное составление представляет собой отдельную задачу. Можно полагать, что анализ ситуаций, ставших предметом такого произведения, как Библия, позволил бы выявить практически полный набор отношений.

полезности для тех или иных категорий агентов, на проектируемые институты не обладают достаточной для формирования понятия спроса определенностью, Закон о монетизации льгот на предпроектной стадии казался благом для многих граждан России и обернулся ущербом для них после вступления в действие. Рассмотрение институтов как своеобразных доверительных благ (деление благ на исследуемые - известные потребителю до использования, опытные - оцениваемые в ходе потребления, и доверительные - познаваемые спустя значительное время после потребления было предложено П. Нельсоном), не снимает проблемы, поскольку формирование института в данной концепции является не продуктом целенаправленной деятельности, а результатом непланируемой эволюции. В этом смысле институт не является продуктом ни "институционального производства", ни "институциональной добычи" и, значит, не может рассматриваться как товар, услуга или иное рыночное "благо".

Выделяются следующие виды позитивной активности агентов в процессах институциональных изменений:

- осознание потребности (нужды) в институте, точнее говоря, в не полностью определенном классе возможных институтов;
- формулирование его сущности, конкретизация требований к институту;
- продвижение института в массы и/или в органы, фиксирующие институты (включая агитацию, лоббирование и т.п.);
- исполнение условий, диктуемых данным институтом;
- поддержание функционирования института. Соответственно своим функциям агенты могут выполнять следующие (позитивные) роли по отношению к институту:
 - адаптер - субъект, способный воспринимать общественные ощущения, связанные с институциональной потребностью или с ее отсутствием;
 - инициатор - субъект, активно участвующий в создании данного института;
 - прозелит - горячий сторонник введения и распространения новой нормы;
 - пропагандист - приверженец данного института, профессиональный лоббист, активно распространяющий позитивную информацию о нем;
 - дистрибьютор - лицо, уполномоченное помогать субъектам в адаптации к данной норме, предоставлять необходимые документы, разъяснять особенности применения данной нормы;

- контролер - лицо, осуществляющее мониторинг процесса функционирования и распространения института и осуществляющее реакцию на нарушения данной нормы.

Примерно аналогичным выглядит и перечень вариантов негативного участия.

Для обозначения нейтральной роли и индифферентного отношения агента на том или ином этапе образования данного института можно использовать термин "статист".

Российское общество в целом и его члены обладают определенными социально-психологическими особенностями, которые сказываются на процессах институциональных преобразований. В частности, это относится к особенностям индивидуального поведения агентов. В зависимости от характера мотивов и ограничений социально-экономического поведения выделяются два типа агентов: "*homo economicus*", для которых главным мотивом выбора является достижение экономических (обычно - допускающих финансовое выражение) целей и "*homo institutus*", для которых мотивация связана главным образом с изменением институционального положения агента. В художественной и публицистической литературе эти типы характеризуются как "рвач" и "карьерист" (по Гоголю - Плюшкин и Ноздрев). Если "рвач" рассматривает карьерные достижения как средство получения материальной выгоды, то "карьерист", наоборот, рассматривает материальные ценности как средство достижения властных или авторитетных позиций.

Процессы формирования институтов и институциональных изменений существенно зависят от того, к какому типу - *homo economicus* (HE) или *homo institutus* (HI) - относится наиболее многочисленная или наиболее влиятельная часть общества. В каждой данной стране пропорции представительства двух рассматриваемых типов агентов в среднесрочном плане являются относительно устойчивыми и определяются фундаментальными страновыми социокультурными и географическими факторами. Для России преобладающим был и остается тип *homo institutus* (обоснование можно найти в [4; 9]).

Роловое распределение *HI* и НК-типов в процессе введения и институционализации норм показано в следующей таблице.

Таблица 1

Участие *homo economicus* и *homo institutius* на различных стадиях реализации жизненного цикла института

Стадия	Роль <i>homo institutius</i>	Роль <i>homo economicus</i>
Осознание потребности	Адаптер	Адаптер, инициатор
Формулирование потребности	Прозелит, пропагандист	Статист, антагонист
Продвижение	Дистрибьютор/антагонист	Статист
Исполнение	Реципиент	Реципиент-имитатор
Поддержание/завершение	Статист/реципиент	Контролер/адаптер

Из таблицы видно, что в обществе, где преобладающим является *homo institutius*, продвижение и исполнение института осуществляется сравнительно легко, однако с его поддержанием могут возникнуть серьезные проблемы. Своеобразная "институциональная подвижность" общества, насыщенного агентами типа *homo institutius*, создает благоприятную среду для "кризисного" стиля развития общества [2]. Очевидно, в этих условиях для устойчивого развития, эволюции общества в составе его институциональной системы необходимы какие-то механизмы институциональной стабилизации. Таким стабилизирующим институтом в переходный период в России могли бы служить производственные предприятия.

"Мир полей взаимодействия агентов"

Основным видом организаций, где осуществляется деятельность агентов, связанная с процессом институциональной динамики, в России традиционно являются не политические партии или движения, а производственные предприятия. Здесь происходит начальная социализация субъектов, здесь идет процесс осознания и оценки общественных изменений, здесь формируются основы взаимоотношений индивида с другими индивидами, коллективом, институтом [1].

Можно выделить три аспекта роли предприятия в институциональном процессе: роль генератора и распространителя производственных институтов и соглашений; роль инкубатора институтов; роль индивидуального

институционального интегратора (речь идет о вовлечении индивидов в состав носителя данной нормы).

Роль предприятия как генератора в системе социально-экономических институтов состоит в том, что деятельность предприятий сама по себе порождает такие необходимые для полноценности институциональной структуры экономики бинарные и групповые отношения, как отношения "принципал - агент", "работодатель - работник", "работник - коллектив", "работник - работник", "поставщик

- покупатель", "представитель поставщика - представитель покупателя" и многие другие, в том числе разнообразные специализированные эргономические и технологические институты. Эти институты распространяются на другие организации как в результате кадровой миграции, так и вследствие обмена информацией и когнитивной деятельности предприятий. Роль предприятия в качестве организации, интегрирующей индивида в институциональные отношения, обусловлена тем, что именно в процессе работы на предприятии в процессе коллективной целенаправленной деятельности индивид проходит ряд необходимых ступеней в социальном развитии, прежде всего

- ступени социализации и институциализации. Первая ступень создает основы для обмена неявными знаниями в процессе работы [15]. Вторая ступень позволяет работнику войти в сообщество ("комьюни-ти") носителей различных институтов, функционирующих в рамках предприятия. В целом работа на предприятии формирует основы поведения личности в производственной структуре, так что предприятие выступает как "институт институциализации" работника.

Подобную роль предприятия выполняют во всех странах. Однако для России эта ипостась предприятия имеет особое значение ввиду особенностей социального преобладающего типа российских граждан, а именно, принадлежности их к институционально ориентированному типу (*HI*). Можно себе представить, что в мире, где преобладает *HE*, роль предприятий в институциональной сфере общества не была бы столь велика. В частности, предприятие, коллектив не был бы практически единственным средством реализации социальных амбиций *HE*-индивида. Наоборот, в мире, где значительная часть граждан принадлежит к институциональному типу, предприятие необходимо как естественная среда самореализации для большинства граждан. Что же касается инкубационной роли предприятия, то она возникает в следующем контексте. Социально-экономические институты, как и другие образования социально-экономического характера, имеют жизненные циклы с характерными стадиями зарождения, развития,

стагнации, ослабления и исчезновения (ликвидации). Протекание и смена стадий этих циклов зависят от различных причин, часть из которых упоминалась выше в качестве факторов генезиса и развития институтов. Однако для стадии начального развития институтов, трансформации протоинститута в совокупность ин-статусов характерен особый "экспериментально-модельный" этап, который отражает процесс развертывания института в относительно малом социальном объеме, т.е. в условиях ограниченного потенциального носителя.

Для подавляющего большинства институтов такими сферами экспериментального развития служат семья и предприятие как базисные формы организации совместного функционирования индивидов. Собственно социальные нормы получают полноценные "права" институтов только тогда, когда они проходят успешную апробацию на уровне семьи, а социально-экономические - на уровне предприятий. В статье В.М. Полтеровича "Трансплантация институтов" [11], содержащей развернутое исследование условий успешного или неудачного переноса институтов из одной социально-экономической среды в другую, приведен довольно представительный перечень различных социально-экономических институтов, главным образом макроэкономического или даже межстранового характера. Оказывается, что из упомянутых в статье 42 различных институтов по меньшей мере 38 институтов имеют очевидную микроэкономическую проекцию или аналог на предприятии.

Институциональная роль производственных структур диктует особое отношение к производственным предприятиям и промышленности в целом. Необходимо включение предприятия во всем многообразии его функциональной и институциональной роли в сферу особого внимания общества. Необходим значительно более тонкий и бережный, чем сейчас, подход к вопросам создания и ликвидации предприятий, улучшения корпоративного управления, взаимодействию предприятия и локальной среды. Системный анализ функций предприятия, в том числе - их институциональной части побуждает по-новому взглянуть на перспективы каждого предприятия в отдельности и на институт предприятия в целом. Вместе с тем назрела необходимость реформирования предприятий для повышения их эффективности, причем не только как товаропроизводителей, но и как своеобразных "институтопровайдеров". Сохранение и надлежащее развитие предприятий как организаций и как элементов сетевых структур способно сейчас обеспечить необходимую насыщенность институциональной среды и социально-экономическую эффективность

институтов в России, способствовать переходу к устойчивому экономическому развитию.

Процессы институциональных изменений

Теперь у нас есть возможности рассмотреть в общем виде внутренние и внешние факторы институтогенеза.

Среди конкурирующих или сопрягающихся гипотез относительно факторов и условий институциональных трансформаций в литературе упоминаются: макроэкономические изменения, вызванные внутривнутриэкономическим управлением; такие же изменения, вызванные внешними для страны факторами; "институциональные сделки", совершенные на "рынке институтов"; случайное зарождение институтов и последующий естественный отбор по критерию эффективности; метаконкуренция как конкуренция между институтами; драматические эпизоды истории - кризисы, войны, революции, классовые столкновения; технологический прогресс; целенаправленная инновационная деятельность; институциональное проектирование, т.е. сознательная целенаправленная деятельность, ориентированная на организацию институтов; "трансплантация" (особого рода заимствование) институтов, т.е. целенаправленный перенос институтов из одного территориального образования в другое (в том числе из одного государства в другое); институциональная инерция, движение институциональной структуры по ранее экзогенно заданной исторической институциональной траектории; "трение", взаимодействие институтов; общая цикличность развития.

Факторы, влияющие на институциональный процесс, целесообразно разделить на три группы в соответствии с уровнем, на котором они возникают: микроуровень (действия социальных акторов по созданию и укоренению норм); мезоуровень (формирование и изменение "полей или арен взаимодействия" - локальных сфер, где рождаются или закрепляются институты); макроуровень (взаимодействие самих институтов). Факторы всех трех уровней являются участниками институтогенеза, но в различных ролях и на различных стадиях жизненного цикла института.

Процесс институциональных изменений в данной концепции выглядит в общих чертах следующим образом. Создание нового института в конкретных социально-экономических условиях представляется в виде двухуровневого процесса (на самом деле структура институтов имеет более разветвленную иерархию). На высшем уровне, затрагивающем как сознательные ментальные процессы, так и личное и коллективное

бессознательное, в результате наступления определенного рода событий формируются информационные импульсы, отражающие потребность значимой части общества в некотором институте. Эти импульсы возбуждают процессы поиска соответствующего прототипа в пространстве базисных протоинститутов (точнее, протонорм). Поиск осуществляется адаптерами и инициаторами -своеобразными институциональными разведчиками или лидерами общества (речь может идти не о всем обществе, а о той его части, которая может стать потенциальным носителем института) - лицами или коллективами, чей голос будет услышан данной частью общества. Если такой прототип не обнаруживается, под воздействием выраженной потребности формируется определенная комбинация прото-норм, которую можно условно назвать "скрещиванием". Это приводит к формированию "новых" протонорм и их номинальных и фактических носителей. Возникает "новый" протоинститут. Он порождает систему норм, которые в результате процесса укоренения превращаются в институты или исчезают из общественной практики. Участниками процесса укоренения являются акторы (физические лица), а местом протекания этих процессов являются "арены" или "поля" их взаимодействия.

Таким образом, возникновение нового института есть результат "скрещивания" базисных протоинститутов и последующего селекционного процесса или деятельности по отбору и закреплению полезных результатов. Что является внешним толчком к поиску и последующей институционализации "новой" протонормы? Ответ на этот вопрос связан с понятием события (термин "со-бытие" следует интерпретировать как "совместное бытие" или пересечение в некоторой точке пространственно-временного континуума двух или более процессов). Под событием (по отношению к некоторой системе) понимается сочетание (комбинация) действий внешних или внутренних факторов, приводящее к существенному изменению конфигурации системы. Введение в рассмотрение событийной

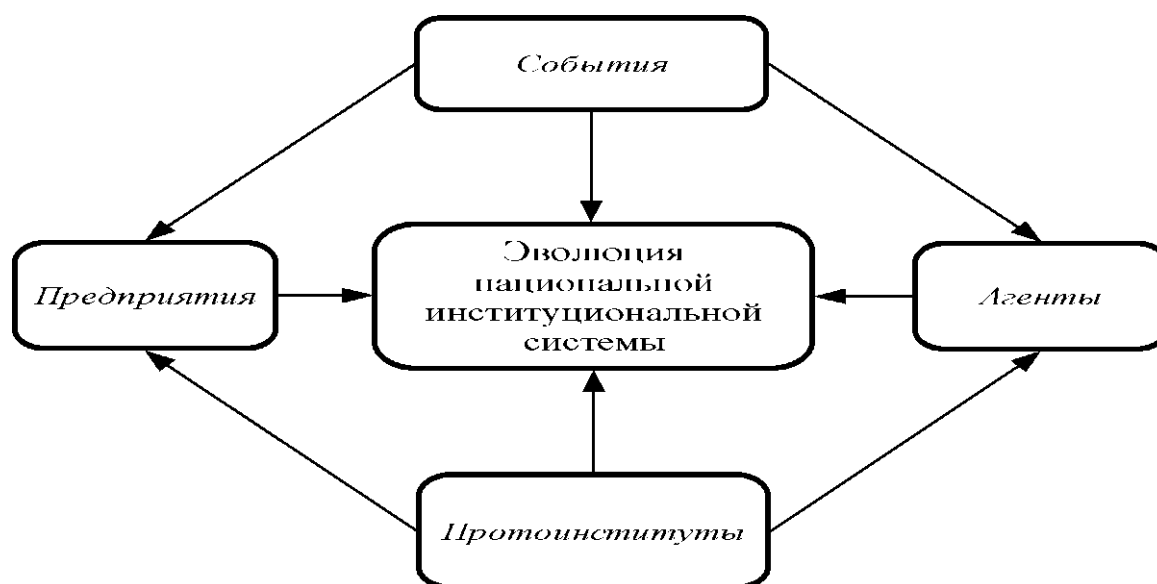

Рис. 1. Взаимодействие основных факторов институтогенеза

структуры реализует динамический подход. Для страновых институциональных систем такими событиями могут быть крупные страновые пертурбации типа войн, революций, резкой перемены структуры технологических укладов или более локальные события, касающиеся лиц, принимающих решения в данной системе. Событие - своеобразный спусковой крючок институциональной динамики. На рис.1 изображены основные действующие лица институтогенеза.

Для завершения обобщенного изложения основных моментов теории институциональных изменений необходимо рассмотреть "внешний" аспект проблемы: взаимодействие страновой институциональной системы с ее окружением, совокупностью "соседних" в каком-то смысле систем, взаимодействующих с данной.

Национальная институциональная система и ее окружение

Страновая институциональная система находится в тесной связи с социокультурными, социопсихологическими и историческими особенностями данной страны. Конкретизируя эту мысль, мы считаем возможным рассмотреть структуру социально-экономического пространства страны примерно с тех же позиций, что и структуру внутреннего пространства предприятия [3]. Несмотря на различие масштабов, в структурном плане между объектами микроуровня (предприятиями) и макроуровня (государством) можно найти много общего. И страна в целом и предприятие относятся к числу относительно устойчиво и самостоятельно функционирующих социально-экономических систем (более подробно обоснование, условно говоря гомотетии между предприятием микро- и макрообъектами можно найти в [1]). Это дает возможность рассматривать внутреннюю среду государства, подобно внутренней среде предприятия, как совокупность подсистем (сред), охватывающих социальные, технико-технологические и экономические процессы. Эти подсистемы можно условно изображать в виде иерархической последовательности слоев, имея в виду, что расположение слоя зависит от степени инерционности данного фактора, а длина слоя - от степени общности между подсистемой для данного и других объектов. Хотелось бы подчеркнуть, что многоярусное представление внутренней структуры страновой системы отражает лишь модельную концепцию. На самом деле каждая из подсистем пронизывает все "жизненное пространство".

Последовательность слоев для макроэкономического объекта имеет следующий вид (см. рис. 2):

- ментальность населения;
- культура данной страны;
- страновая институциональная система;
- система создания и распространения знаний, социально-экономический генотип общества;
- национальное богатство;
- исторический опыт других стран и данной страны.

Чем ниже расположен на рис. 2 тот или иной ярус, тем более стабильным он является. Так, ментальный слой, отражающий особенности мышления, такие как степень рациональности, внушаемости, концентрации мышления, системности учета факторов и т.п., наиболее тесно связан со всей историей развития данной страны и наименее подвижен.

Подсистемы, представленные слоями трапеции на рис.2, тесно связаны между собой, влияют друг на друга непосредственно и опосредованно. В принципе их взаимодействие может быть отражено в виде матрицы, аналогичной матрице межотраслевого баланса, однако эта тема находится за рамками настоящей публикации. В общем виде их функционирование и взаимодействие выглядит так:

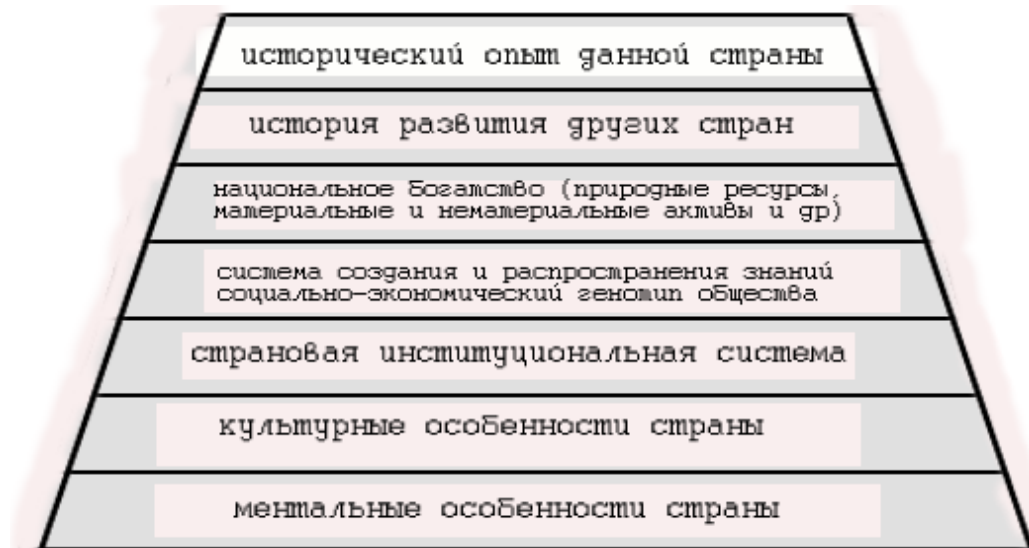

Рис.2. Структура социально-экономического пространства страны

Во-первых, каждая из подсистем является "работающей" в том смысле, что является, условно говоря, производителем² некоторого "продукта", имеющего товарную или услуговую форму и потребляемого внутри страны, а также за ее пределами. Так, ментальный слой порождает национальную модификацию мышления граждан; культурный слой производит культурные образцы и ценности, формирует культурную среду; институциональный слой генерирует изменения в национальной институциональной системе; когнитивный - создает совокупность знаний и навыков; продуктом совместного применения технологий, средств и предметов труда, входящих в состав национального богатства, является совокупность товаров и услуг, входящих в валовой внутренний продукт; "исторические" подсистемы формируют "историческую память" - запас знаний, сведений и эмоциональных впечатлений относительно образцов поведения собственной или других стран.

Во-вторых, каждый слой участвует в "производственном" процессе расположенного выше слоя в виде предоставления своеобразных средств производства: ментальный капитал служит фактором формирования культурной среды; культурный влияет на формирование институтов; те, в свою очередь, вместе с перечисленными факторами определяют особенности когнитивных механизмов и социально-экономического генотипа; когнитивные механизмы позволяют осмыслить чужой опыт, который, в свою очередь, необходим для анализа собственного пути.

В-третьих, каждый из слоев, кроме первого снизу, участвует в процессе воспроизводства нижележащего слоя (так, социально-экономический геном позволяет воспроизводить основу национальной институциональной системы). При этом результаты влияния верхнего слоя на функционирование нижнего проявляются обычно в виде кумулятивного лагового процесса с удлинением лага по мере перехода от верхних к нижним уровням. Результатом этого процесса, специализированного для каждого слоя в отдельности и подобного воспроизводственному циклу для народного хозяйства в целом (см. рис.3), является эволюция и модификация всего внутреннего пространства страны.

² Условность "производства" здесь заключается в том, что этот термин применяется обычно к товарам. Если речь идет о придании нового качества предмету труда, например, об обучении или воспитании индивидов, то здесь используются другие термины, по сути аналогичные производству, а по выражению иные: например, "формирование", "создание" и т.п.

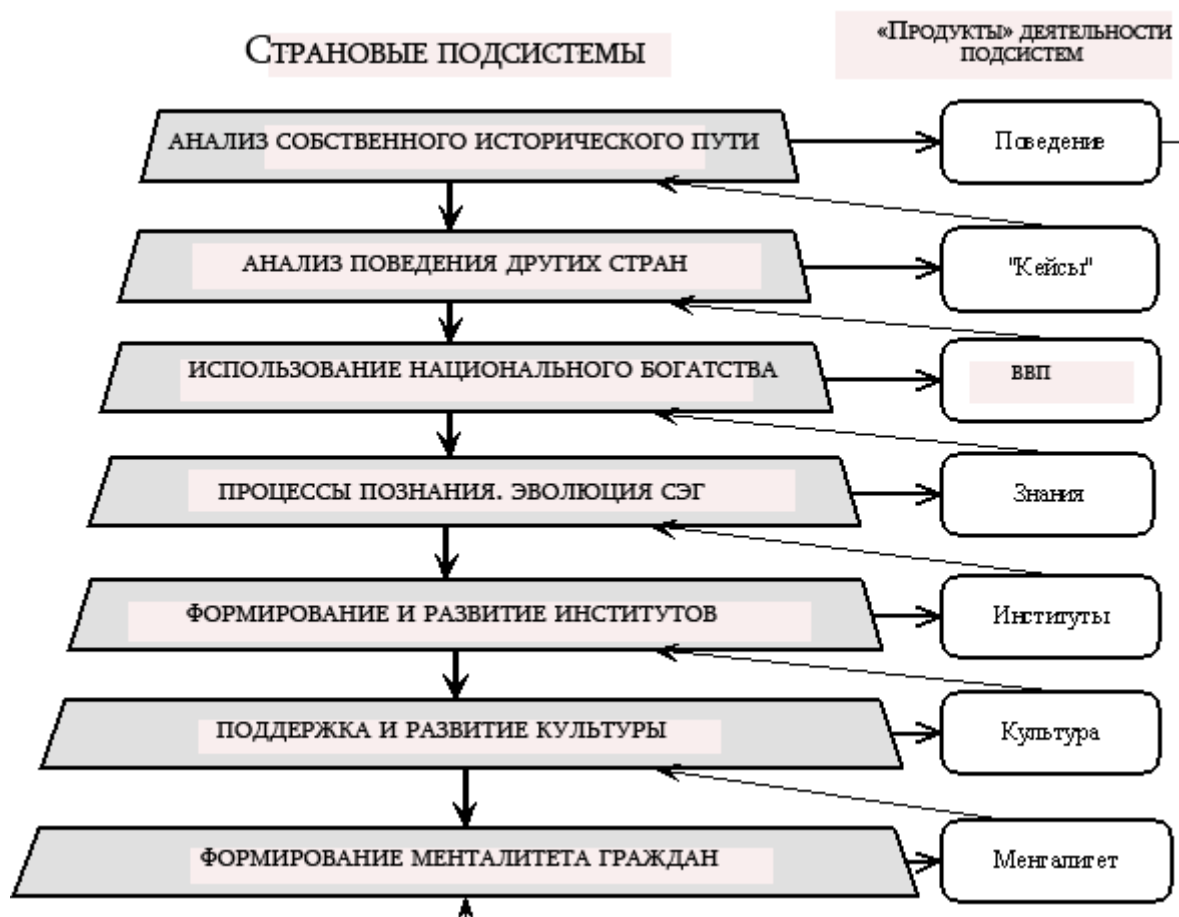

Рис.3. Функционирование государства как многопроцессной системы.

Тонкие стрелки символизируют участие подсистемы (слоя) в производственном функционировании другой подсистемы (слоя), жирные - в воспроизводственном процессе. Теперь, после выяснения взаимодействия системы институтов с другими макросистемами, мы можем уточнить понятие события, играющего инициализирующую роль для макроинституциональных изменений. Таким может стать не любое явление, а лишь такое, которое затрагивает в той или иной мере все указанные на рис. 3 слоя. Если за явлением не просматриваются согласованные изменения во всех слоях сэндвич-структуры, то это не событие. Иными словами, событием можно признать явление, которое может быть представлено в виде такой же многослойной пирамиды, что и страна в целом. Именно поэтому наступление события порождает вертикальный "вихрь" и вызывает "резонанс" каждого из слоев пирамиды.

Из изложенного видно, что изменения в составе и функционировании макроэкономической страновой институциональной подсистемы происходят как под действием внутренних факторов, так и под влиянием других страновых подсистем. Это означает, что в принципе вопрос об институциональных изменениях как в теоретическом, так и в прикладном плане должен ставиться и решаться в рамках системной парадигмы экономической науки.

Заключение

Все изложенное дает возможность обратиться к поставленному в заголовке данной статьи вопросу и сформулировать позицию в отношении наиболее естественных и эффективных путей создания новой институциональной структуры в России. Поскольку дистрибуция и продвижение общественных норм в России, как мы видели, осуществляются агентами доминирующего НИ-типа, для которых включение новых норм в свою систему своих ценностей происходит относительно легко, видимая часть процесса нормативного новообразования не представляет непреодолимых затруднений, и к ней могут быть с успехом применимы рекомендации по "институциональному проектированию" [12]. Однако легкость введения "сверху" новых норм обманчива. Максимум, на который могут рассчитывать адепты "вручную" спроектированных внутренних институтов или институтов, заимствованных как фрагменты социально-экономической структуры других стран, - это создание относительно работоспособных "квазиинститутов" [5] для временного выполнения функциональных нагрузок в определенных режимах. Такие институты, не являющиеся органичными для данной среды, не дающие "институционального потомства" (т.е. не участвующие в развитии институциональной базы), как правило, не обладают аппаратом самовосстановления. Эти институты либо сами исчезают в результате снятия контроля за поддержанием их функционирования, либо теряют надежность, как только параметры функционирования выходят за некоторые весьма узкие рамки. Институт с подобными характеристиками напоминает скорее протез, чем трансплантат.

"Институциональное протезирование", несомненно, является вполне допустимым и часто даже незаменимым инструментом для решения неотложных задач или локальных переходного периода. Однако формирование долгосрочной страновой институциональной структуры требует иной, более изощренной и фундаментальной институциональной

стратегии, в полной мере учитывающей структуру общества (в том числе - разделение на *HI* и НЕ-типы личностей), особенности общестранового развития, факторов, хода и результатов институциональной динамики.

Единственным способом органичного создания и развития благоприятной для социально-экономического роста страновой институциональной среды является последовательная селекционная работа на всех уровнях иерархии. В качестве социальной опоры и союзников следует использовать слой *HI* как распространителей новых веяний, в качестве экономических субъектов - институционально-инновационные предприятия как инкубаторы институциональных инноваций. Необходимо и создание условий, при которых субъекты типа *homo economicus* смогли бы осознать выгоду для себя данной нормы, если не в ближайшее время, то в перспективе. При этом апелляция к интересам более широких систем, скажем, к повышению благосостояния государства, не будет действенной для таких субъектов.

Учитывая мобильность и подверженность влияниям ценностной системы *HI*, следует признать необходимым создание механизма институциональной стабилизации. Такой механизм должен предусматривать развитие системы своеобразных метаинститутов, предназначенных для развития институциональных систем, контроля и коррекции институционального движения. Если обычные предприятия образуют необходимую питательную среду для обычных институтов, то "институционализационную" поддержку метаинституциональному строительству должны оказывать также крупные корпорации, бизнес-системы и финансово-промышленные группы.

Как мы видели выше, важным компонентом институционального построения являются события. Если речь идет об изменении страновой институциональной макросистемы, то соответствующее событие должно быть значимым в масштабе всей страны. При этом публичная интерпретация события должна опираться на сложившуюся систему установок взглядов и ценностей, иными словами, на идеологию. Тогда событие сможет стать катализатором благоприятных институциональных изменений. Отметим, что никакое явление, взятое само по себе, не сможет стать "институтопорождающим" событием, если не будет рассмотрено обществом в составе системы событий, происшедших ранее или в ожидаемых в ближайшем будущем.

В одном ряду с данным институтом (и вдалеке от институтов демократии) находится и институт передачи власти в стране. Нынешний президент России стал преемником исключительно благодаря выбору

предыдущего президента. В начале президентского срока В.В. Путин сообщил о поиске "наследника". Надо полагать, что в российском обществе, где преобладающим является институциональный тип индивидуального сознания, эта инициатива получит благоприятный отклик и также имеет шанс стать нормой.

Характерной чертой институциональной структуры общества является, как мы видели, ее многоуровневость. Институты макроэкономического уровня, мезоэкономического, микро- и наноэкономического находятся в диалектическом единстве, иногда продолжая, иногда дополняя друг друга. Это делает анализ структуры этой системы и ее изменений весьма сложным делом, тем более, что далеко не все элементы этой структуры - институты - могут быть легко обнаружены. Какие особенности поведения экономических агентов и систем обусловлены в первую очередь институциональными факторами, какие - проявлением интересов субъектов, какие - непосредственной рефлекторной реакцией на изменение внешней обстановки, определить нелегко. Ясно лишь, что процессы трансформации, коррекции и эволюции институциональных систем должны занять центральное место как в экономической политике на всех уровнях, так и в экономической теории.

Необходимо понять, что реформирование экономики - это не просто проектирование и внедрение новых экономических механизмов, не замена блоков в техническом устройстве, а создание новых устойчивых и одновременно эластичных институтов. Эти институты должны быть совместимы с уже сложившейся системой: новый институт должен сопрягаться с другими институтами, опираться на них и, в свою очередь, служить опорой для других. Институт должен также опираться на некоторые высшие ценности, разделяемые и поддерживаемые обществом (семья, дружба, социальная справедливость, взаимопомощь). Надо, далее, обеспечить условия развития встраиваемых институтов. Для каждого нового института должен быть найден предшественник в позитивной части исторического прошлого страны и "потомка" в ее будущем. Так, вводя институт аренды, его сторонники ссылались на распространенные в дореволюционной России феномены, и рассматривали его как промежуточный шаг на пути к расгосударствлению. К сожалению, эта линия "эволюционного" институтообразования не была поддержана. Для каждого нового института необходимы экспериментальные "площадки", где проходила бы его обкатка. Наконец, любому новому институту надо дать время на то, чтобы укорениться. Ведь институт - это не механизм, а, скорее, живой организм, и

он должен иметь возможность, пожертвовав малым, видоизмениться, адаптироваться к внешним условиям, сохранив свою основу.

В российском обществе вряд ли можно рассчитывать на успешное внедрение институтов "прямого действия" - сверху вниз. "Беспересадочного" сообщения между "верхом" и "низом", между высшими сферами государственного управления, где задумываются институты, и обычными гражданами, от которых ждут участия или подчинения, не существует. Вертикальные каналы влияния превращаются в многозвенные цепочки, в сочленениях которых теряются смысл, цель, а порой и направление реформ. Адаптация нового возможна в этих условиях, как правило, только через промежуточные инстанции - территориальные или производственные. Так, внедрение в общественную практику в 1990-х годах институтов рынка произошло относительно безболезненно только потому, что в 1980-х годах на предприятиях активно апробировалась система внутрифирменного хозяйствования.

И последнее. Можно ли считать институциональные изменения действительно эволюционным процессом? Естественно отнести к эволюционным те процессы, которые, в отличие от революционных, характеризуются непрерывным изменением характеристик, зависимостью будущего от прошлого, сохранением некоторых "генетических" инвариантов в ходе изменений. Предложенная концепция страновых институциональных изменений отвечает этим условиям. Во-первых, включенность институциональной системы в цепочку других внутристрановых систем (рис.3) не позволяет революционным изменениям, даже если такие и случаются, укорениться и без коренного изменения самой страны. Во-вторых, процесс институциональных изменений опирается на рекомбинацию протоинститутов, что сохраняет первичные свойства институтов. В-третьих, существенное участие производственных организаций в институциональных процессах сдерживает выход институтов за пределы преемственного развития.

Вместе с тем эволюционный характер институтогенеза не означает, что движение институциональных систем в рамках данной страны носит исключительно направленный характер и, тем более, что институциональные системы разных стран можно расположить на воображаемой "оси качества", где на первых местах будут находиться институциональные системы США и европейских стран, а остальные страны вытянутся гуськом за "передовыми" (видимо, такую картину имел в виду В.М. Полтерович, говоря о трансплантации как переносе "институтов из одной экономической среды в другую, менее развитую" [11]).

Как мы видели выше, институциональная система каждой страны тесно сцеплена с другими системами, "отвечающими" за культурные, ментальные, функциональные и иные особенности национального развития. Это ограничивает не только возможности реальной институциональной трансплантации, но и уместность прямого сравнения их в разных странах. Трудности межстрановых сопоставлений, хорошо известные даже для уровня функционального развития экономики, многократно возрастают при попытке выстроить информативную полноаспектную упорядоченность институциональных систем разных стран. Можно ли сказать, что институциональная система Франции более развита, чем в Германии; в США - чем в Англии, или же верны противоположные утверждения? Можно упорядочить страны по доходу на душу населения, индексу человеческого развития или каким-либо иным статистическим показателям. Можно вести речь о сравнении стран по плотности их институциональных систем или по какому-либо иному признаку, но задача упорядоченности с учетом всех признаков вряд ли разрешима. Это отличает ситуацию с заимствованием института от ситуации с заимствованием технологий: если технологии допускают ранжирование по степени прогрессивности (хотя бы производительности), то для институтов такая упорядоченность невозможна [14].

По нашему мнению, единственным более или менее объективным критерием "качества" страновой институциональной системы является ее целостность, понимаемая в двух смыслах: во-первых, как полнота состава и теснота внутренних взаимосвязей элементов институциональной системы, обеспечивающей устойчивое социально-экономическое развитие страны, и, во-вторых, как соответствие ее общему вектору социально-экономической эволюции, характерной для данной страны. Первое условие отражает органичность институциональной системы в пространстве институтов, второе - органичность системы в пространстве изменения ее состояний во времени. Необходимым условием для выполнения обоих условий является гармоничность взаимодействия институциональной системы с культурной, когнитивной и эволюционно-генетической системами. Все это говорит о том, степень свободы при трансформациях институциональной системы весьма ограничена.

Подход к исследованию генезиса и эволюции институтов и институциональной среды России, представленный в данной работе, базируется на концепции многоуровневого взаимообусловленного анализа экономики и в структурно-институциональном, и в функциональном разрезе. Это фактически выводит проблему институциональной эволюции из чисто

экономической в комплексную научную область, включающую, кроме экономических, смежные социальные, психологические, исторические и другие исследования. Перспективным в этой ситуации, как мы пытались показать, представляется применение системной парадигмы, стремящейся к охвату как институциональных, так и функциональных свойств экономических систем в едином эволюционном контексте. Анализ имманентных каждой системе системных эффектов и дисфункций позволит, как можно надеяться, выявить системные инварианты, определяющие пределы и оптимальные пути "выращивания" эффективных институциональных структур.

Литература

1. Клейнер Г.Б. Российские предприятия на пути в XXI век. // Путь в XXI век / Под ред. Д.С.Львова. - М.: Экономика, 1999.
2. Клейнер Г. Б. Экономика России и кризис взаимных ожиданий. // Общественные науки и современность. - 1999. - №1.
3. Клейнер Г. Системная парадигма и теория предприятия. // Вопросы экономики. - 2002. - №10. - С.47-69.
4. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. - М.: Наука, 2004. - 240с.
5. Корнай Я. Системная парадигма. // Вопросы экономики. -2002. - №4. - С.4-17.
6. Мау В. Экономическая политика в 2004 году: поиск модели консолидации роста. // Вопросы экономики. - 2005. - № 1. - С.4-27.
7. Некипелов А.Д. О теоретических основах выбора экономического курса современной России. // Экономическая наука современной России. - 2000. - Экспресс-выпуск. - №5.
8. Норт Д. Пять тезисов об институциональных изменениях /КБКЭ. - Минск: ИПМ, 2000.- вып.4.
9. Попов Е., Симонова В. Эндогенный оппортунизм в теории "принципала - агента"// Вопросы экономики. - 2005. - №3. - С.118-131.
10. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы. // Экономика и математические методы. - 1999. -Т.35. - №2. -С. 3-20.
11. Полтерович В.М. Трансплантация институтов. // Экономическая наука современной России. - 2001. - №3. - С.24-49.

12. Тамбовцев В.Л. Теоретические вопросы институционального проектирования. // Вопросы экономики. - 1997. - №3. - С. 8294.
13. Яковлев А. Спрос на право в сфере корпоративного управления: эволюция стратегий экономических агентов. // Вопросы экономики. - 2003. - №4. - С. 37-49.
14. Aoki M. Toward a Comparative Institutional Analysis. -Cambridge, MA, MIT Press, 2001.
15. Nonaka I., Takeuchi H. The Knowledge Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. - New York: Oxford University Press, 1995.
16. Searle J. The Construction of Social Reality. - New York: Free Press, 1995.